

Будущее американо-китайских отношений*

Очередной виток напряженности

Михаил Котлов

С приходом к власти в США новой демократической администрации в отношениях Вашингтона и Пекина ничто не предвещало беды. Конечно, китайские власти за многие годы взаимодействия с демократическим руководством Соединенных Штатов прекрасно отдавали себе отчет в том, что подарки в виде ослабления давления по вопросам прав человека, свободы слова и другим болевым точкам от новых хозяев Белого дома ждать не стоит. На протяжении 30 лет истории американо-китайских отношений именно демократы основной упор в своей внешней политике делали на демокра-

тизацию китайской внутривнутриполитической жизни, приведение к западным стандартам отношений в треугольнике государство – гражданское общество – человек. Никто не говорит, что с республиканцами у Пекина было меньше проблем, но вопросы военного строительства, экономического регулирования, шпионские скандалы не являются (по неоднократным заявлениям самих китайских властей) столь «чувствительными» для китайского руководства, как вмешательство во внутренние дела суверенного китайского государства и навязывание ему западных, чуждых по своей природе правил взаимодействия

КОТЛОВ Михаил Викторович – главный советник Аппарата Правительства Российской Федерации, аспирант Московского государственного института международных отношений МГИМО(У) МИД РФ. E-mail: kotlov198@mail.ru.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, Тайвань, продажа оружия, китайская внешняя политика.

* В статье высказано личное мнение автора.

между гражданином и обществом, обществом и государством.

И вот на фоне таких, мягко говоря, не радужных ожиданий официального Пекина еще до январской инаугурации Барака Обамы экс-госсекретарь Генри Киссинджер и экс-советник Белого дома по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, считающийся одним из советников 44-го президента, выдвинули концепцию «большой двойки» (G2), призывая Китай разделить с США бремя мирового лидерства. Именно это предложение президент Обама озвучил в Пекине во время своего первого официального визита в КНР (ноябрь 2009 г.).

Такое предложение со стороны США вызвало целую волну публикаций на Западе, характеризующих отношения между Вашингтоном и Пекином как «медовый месяц»¹. В качестве первого шага Обама посоветовал Китаю повысить курс юаня и тем самым помочь устранению дисбаланса в мировой торговле. Это предложение было сделано под предлогом необходимости двум крупнейшим экономикам мира принять меры по выводу международного сообщества из затянувшегося экономического кризиса.

Раньше, еще при Буше-младшем, с подобного рода предложениями выступал Роберт Зеллик в бытность свою заместителем госсекретаря США. Тогда, в 2005 г., Зеллик призвал Китай разделить с Соединенными Штатами ответственность за проблемы глобального развития, став «ответственным игроком» на международной арене (*responsible stakeholder*). Прежняя американская администрация также требовала от китайских властей девальвировать курс национальной валюты, но не скрывая при этом, что стремится покрыть свой гигантский дефицит в торговле с КНР. Ни тогда, в 2005 г., ни сегодня, спустя пять лет Вашингтон

так и не получил от Пекина желаемого ответа.

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в эфире Национального китайского телевидения заявил, что его страна не согласна с предложением создать G2 из США и КНР. Было в очередной раз сказано, что Китай – это развивающаяся страна с огромным населением, которой предстоит еще пройти большой путь для модернизации. Китай будет проводить независимую политику и не станет вступать в альянс с какими-либо странами.

Подобная холодная реакция Пекина на привезенные Обамой предложения не могла не задеть американскую сторону. Вообще в ходе визита сложилось впечатление, что власти КНР не испытывают никакого особого возбуждения и трепета от приезда заокеанского гостя, которое сопровождало Барака Обаму в его поездках по всему миру.

В Пекине его принимали не как символ надежды на глобальные перемены, а просто как очередного лидера США.

Так, все выступления Барака Обамы в китайских СМИ были подвергнуты цензуре, а его встречу с шанхайской молодежью не показали по центральным телеканалам, на чем очень настаивал Белый дом.

Единственным положительным итогом поездки, по наблюдениям большинства аналитиков, стало то, что на совместной пресс-конференции по итогам визита Барак Обама смог заявить о единстве позиций Пекина и Вашингтона по иранскому вопросу, при этом представители СМИ как с китайской, так и с американской стороны подметили, что китайский лидер в вопросе Ирана сохранял задумчивое молчание. Это молчание можно было воспринять как знак того, что Пекин готов если не поддержать, то по крайней мере не

блокировать пакет антииранских санкций, которые США намерены внести в Совет Безопасности ООН.

Однако уже 19 ноября 2009 г., в день отъезда Барака Обамы из Пекина, стало понятно, что Китай и не думает отказываться от связи с Ираном, который является третьим поставщиком углеводородов в Поднебесную. В этот день китайская нефтяная государственная компания *Sinopet* подписала соглашение с Тегераном об освоении первой фазы одного из крупнейших нефтегазовых месторождений страны Ядавара. А через неделю *Sinopet* подписала в Иране очередное соглашение, в соответствии с которым китайцы обязуются инвестировать 6,5 млрд. долл. США в развитие иранских нефтеперерабатывающих заводов. В ответ на такие действия Пекина Государственный департамент США официально заявил о планах администрации Обамы продать Тайваню новую партию оружия.

О готовящейся оружейной сделке с Тайванем на сумму 6,4 млрд. долл. администрация Обамы уведомила конгресс 29 января 2010 г. и уже получила согласие.

Вашингтон намерен поставить Тайваню, который КНР считает своей провинцией, 60 боевых вертолетов *Black Hawk*, 114 зенитно-ракетных комплексов *Patriot PAC-3*, 12 противолодочных ракет *Harpoon Block II*, 2 минно-поисковых корабля класса *Osprey* и усовершенствованную командную систему *Po Sheng* («Широкая победа»), разработанную специально для нужд тайваньских военных².

Реакция Пекина на это известие не заставила себя долго ждать.

Уже на следующий день министр иностранных дел КНР Ян Цзечи выступил с официальным заявлением на эту тему. По его словам, решение США продать партию оружия Тайваню является грубым вмешательством во внутренние дела Китая, а также се-

рьезной угрозой для национальной безопасности КНР. США, по словам министра, должны как можно скорее отменить это ошибочное решение.

Пекин объявил о замораживании военных связей с Пентагоном, были отменены запланированные на февраль переговоры на уровне заместителей министров обороны США и КНР по проблемам нераспространения и контроля за вооружениями, но самым важным стало введение со стороны китайских властей санкций против американских компаний, участвующих в сделке с Тайванем.

Прекращение военных связей с Китаем стало для США первым при президенте Бараке Обаме, хотя при Джордже Буше-младшем отношения американских военных с китайскими коллегами прерывались всякий раз, когда Вашингтон активизировал военно-техническое сотрудничество с Тайбэем. Последний раз Пекин прекратил контакты с Пентагоном в октябре 2008 г. по абсолютно идентичной причине, тогда администрация США объявила о намерениях продать Тайваню оружия на 6,5 млрд. долл. Отношения были восстановлены лишь после смены администрации. Но санкции против американских корпораций являются беспрецедентным и куда более серьезным шагом.

Главными пострадавшими могут оказаться *Boeing* (производитель ракет *Harpoon*), имеющая в Китае миллиардные контракты на поставки гражданских авиалайнеров, а также *United Technologies* (в нее входит *Sikorsky Aircraft* – производитель вертолетов «Черный ястреб»), продающая в КНР лифты *Otis*, а также системы отопления и кондиционирования.

По мнению большинства аналитиков, в той или иной степени занимающихся китайской проблематикой, то, что происходит сейчас в американо-китайских отношениях, в полной

мере отражает латентные амбиции Китая, о которых так много писали на протяжении последних 10–15 лет.

Особо остро проблема стоит сейчас, когда национализм в Китае находится на подъеме: за последний год многие китайцы уверились, что кризис окончательно доказал превосходство китайской модели экономического развития над западной, и вскоре Поднебесная разделит с США право на мировое лидерство.

По мнению Дэвида Лэмптона (Университет Джона Хопкинса), вина отчасти лежит и на излишнем увлечении Барака Обамы концепцией G2: «Администрация дала китайцам понять, что они нужны нам больше, чем мы им»³.

С этим утверждением трудно не согласиться, учитывая, что Китай является крупнейшим зарубежным кредитором американской экономики. Так, периодически раздаются призывы начать продавать американские гособлигации, которых Пекин накопил на сумму 800 млрд. долл. Еще летом 2009 г., когда идея G2 обсуждалась на уровне экспертного сообщества, выдвигались серьезные сомнения по поводу возможности привнесения к общему знаменателю интересов таких разных по возможностям и целям государств, как США и Китай.

«Взаимодействие двух стран даже в рамках широкого пакета глобальных вызовов (от продовольственной безопасности до нераспространения ОМУ) остается весьма ограниченным»⁴.

Отдавая отчет в том, что экономическая взаимозависимость между США и КНР постепенно будет перерастать в политическую, администрация Обамы предложила обновленное видение отношений Китая с остальным миром.

Так, заместитель госсекретаря США Джеймс Штайнберг выдвинул формулировку «стратегического убеждения»

(*strategic reassurance*). Суть и главное отличие от зелликовского «ответственного игрока» (*responsible stakeholder*) заключается в том, что Китаю недостаточно просто брать на себя ответственность за проблемы глобального развития, необходимо убедить всех членов международного сообщества в том, что «глобальный» Китай не угрожает их безопасности и благополучию.

«Мы готовы принять Китай в качестве глобального игрока, но при этом хотим быть уверены, что рост и развитие Китая не угрожает безопасности и процветанию никого из нас»⁵.

В ответ на данное высказывание официальная китайская пропаганда предложила Соединенным Штатам самим предоставить Китаю убедительные доказательства своего невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Вместе с тем официальный Пекин продолжает уверять международное общественное мнение в том, что его растущая экономическая мощь отнюдь не означает наличия у Китая гегемонистских устремлений.

Как в очередной раз заявил официальный представитель министерства иностранных дел КНР Ма Чжаосю: «Китай остается приверженцем мирного и гармоничного развития. Не стремится к гегемонии и мировому лидерству»⁶.

Забывая о будущем американо-китайских отношений, обеим сторонам следует спокойно и взвешенно подходить к существующим разногласиям и проблемам, не допуская эскалации напряженности и замораживания контактов на различных уровнях. Для всего этого было бы неплохо разделить существующие между двумя странами противоречия на несколько категорий.

Например, к разряду **фундаментальных** противоречий можно было бы отнести вопросы, от которых зависит

само существование того или другого режима.

Серьезными, но все же не фундаментальными противоречиями можно назвать факторы, препятствующие доминированию Китая в региональном масштабе.

И, наконец, третья группа противоречий могла бы включить в себя **решаемые** разногласия, не вызывающие резкого обострения по всем векторам двустороннего взаимодействия.

Так, исходя из вышеприведенной классификации, к первой, фундаментальной группе противоречий, ставящих под угрозу само существование современной китайской политической системы, можно отнести призывы к скорейшей и тотальной демократизации китайского общества. Ни для кого не секрет, что так называемое «китайское чудо» зиждется на современной рыночной экономике при сохранении коммунистической идеологии и политической системы. Политическая элита Китая по-прежнему организована как автономная иерархия.

Так как курс на самоизоляцию Китая в условиях его непосредственного и глубокого инкорпорирования в международные экономические процессы не представляется возможным, то единственным способом убрать данное несоответствие является постепенная демократизация внутриполитической жизни в стране.

Однако стоит учитывать опасность попыток навязать дальнейшую демократизацию извне при отсутствии инициатив со стороны самой правящей элиты. Если попытаться раскатать существующий политический режим снизу или путем давления со стороны других государств, это приведет к прямо противоположным результатам, правящая элита, стремясь сохранить свою власть, вынуждена будет применить силу и свернуть преобразования, как

это было в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь.

Несмотря на ухудшения отношений с Западом, от которого во многом зависит результат экономических преобразований, осуществляемых в стране, китайское руководство в 1989 г. пошло на жесткие недемократические меры, дабы не только удержаться у власти, но и не допустить сползания страны к состоянию хаоса. Несомненно, что по мере укрепления экономической и военной мощи Китая, его внутренние проблемы будут находиться под пристальным вниманием третьих стран, которые время от времени станут использовать эти проблемы в качестве рычага давления на китайское руководство.

Еще одной фундаментальной проблемой в американо-китайских отношениях являются тибетский и уйгурский вопросы. Защита Соединенными Штатами прав человека, свободы вероисповедания и, наконец, права на самоопределение входит в противоречие с такими понятиями, как территориальная целостность и суверенитет Китайской Народной Республики.

И здесь КНР готова идти до конца, невзирая ни на какие ограничения и возможные потери. Любые призывы сторонников независимости Тибета или Синьзян-Уйгурского автономного района (СУАР) рассматриваются официальным Пекином, как национально-сепаратистские и религиозно-экстремистские проявления, для подавления которых законные власти не должны жалеть ни сил, ни средств.

На волне нынешнего обострения американо-китайских отношений февральский визит далай-ламы в США и его встреча с президентом Обамой, вне всякого сомнения, подлил масла в огонь и без того острых американо-китайских противоречий.

Таким образом, американская сторона демонстрирует, что дальнейшая эскалация конфликта возможна и США к такому развитию событий готовы.

Даже тайваньская проблема в данном контексте скорее могла бы быть отнесена к разряду серьезных, а не фундаментальных противоречий.

Существование де-факто независимого Тайваня не помешало КНР выйти за последние 10–15 лет на нынешний уровень экономического развития. При этом без присоединения Тайваня желание КНР во что бы то ни стало завершить объединение страны оказывается под угрозой. И виной всему двоякая позиция США в отношении Тайваня: с одной стороны, обязательство не признавать Тайвань и не устанавливать с ним дипломатических отношений, а с другой – планомерные и масштабные поставки современного вооружения Тайбэю в соответствии с Актом об отношениях с Тайванем от 1979 г., по которому США берут на себя обязательства поддерживать военный баланс в Тайваньском проливе.

Еще одним серьезным противоречием между двумя странами являются отношения каждой из сторон с так называемыми «странами-изгоями» (*rogue states*).

Поддержка Китаем правящих режимов таких стран, как Иран, Северная Корея, Бирма, объясняется как заинтересованностью в ресурсах (Иран), так и возможностью быть лидером и диктовать свою волю при любых обстоятельствах (Северная Корея, Бирма).

Невозможность достичь компромисса по иранскому вопросу может привести к тому, что Пекин и Вашингтон продолжат повышать ставки. По сути, это уже происходит.

Так, Пентагон объявил, что рассматривает запрос о поставках на Тайвань дизель-

но-электрических подводных лодок и около 70 самолетов F-16.

К разряду решаемых можно отнести противоречия, связанные с военным наращиванием со стороны КНР и стойким нежеланием терять контроль над ситуацией в Восточной Азии со стороны США.

Любая военная активность вблизи своих границ заставляет Китай вносить коррективы в бюджетное планирование военных расходов. Такие экономические противоречия, как отказ китайских властей от повышения курса национальной валюты, повышение пошлин на ввоз в США китайских покрышек и стальных труб, а также вызвавшая большой резонанс угроза компании *Google* свернуть свою деятельность в КНР из-за отсутствия свободного интернет-пространства, не являются непреодолимыми.

Относительно новой проблемой в двусторонней повестке дня стало отношение к вопросу о глобальном изменении климата.

Администрация президента Обамы рассматривает данный вопрос как способ продемонстрировать всему миру лидерство Америки в моральном аспекте.

Китай же рассматривает этот вопрос под другим углом зрения.

Сокращение выбросов в атмосферу грозит поставить под угрозу план китайских властей по сохранению ежегодного роста ВВП на уровне 8%. Это является жизненно необходимым для сохранения социального спокойствия и достижения дальнейшего процветания всего китайского общества.

При этом последний блок проблем, несмотря на свою серьезность и важность как для США, так и для КНР, тем не менее не способен поставить отношения двух стран на путь открытой конфронтации и тем более военных действий. Скорее будет происходить

своеобразное перетягивание одеяла до тех пор, пока одной из сторон хватит политической воли сделать первый шаг навстречу.

На начальном этапе современного обострения американо-китайских отношений некоторые аналитики высказывали мнение о том, что пришло время для пересмотра Китаем своей внешнеполитической стратегии в сторону более активного и даже агрессивного продвижения своих стратегических интересов.

Ни для кого не секрет, что в китайском политическом истеблишменте уже на протяжении нескольких лет ведется дискуссия о том, когда быстрый экономический и военный потенциал Китая будет конвертирован в новый внешнеполитический стиль. До сих пор политика Пекина довольно пассивно реагировала на действия партнеров. Поэтому первая жесткая реакция Пекина на поставки Соединенными Штатами оружия Тайваню дала основания предположить, что такой переход во внешнеполитической стратегии КНР начал осуществляться. Однако тональность последующих заявлений официального Пекина дала понять, что пока соотношение сил складывается в пользу сдержанности.

В печати даже перестали употреблять вошедший было в моду термин «*хэ пин цзи*» (мирное возвышение Китая). Нынешнюю политику в традици-

ях китайской дипломатии изящно описали формулой «*тао гуан ян хуэй*», которая дословно переводится как «избегать солнечного света, скрываться в темноте». На языке дипломатии подобная аллегория означает, что пока не время открыто заявлять о своих претензиях на лидерство. Эта негласная установка укладывается в стратегию создания «гармоничного мира», которую нынешний лидер КНР Ху Цзиньтао распространяет как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны. Вот почему нужно было очень постараться, чтобы на фоне преобладания сдержанности вынудить Пекин к беспрецедентно жестким действиям. Вашингтону это удалось.

Тем не менее все еще рано говорить о том, что на наших глазах происходит переход китайской внешней политики в новое качество. Скорее всего, нынешний кризис в отношениях между США и КНР закончится за столом переговоров, будет достигнут компромисс сначала по одному из решаемых вопросов двусторонней повестки дня, затем стороны смогут перейти к обсуждению более чувствительных для обеих сторон проблем.

При этом открытым остается вопрос о том, когда же все-таки наступит подходящий, с точки зрения китайских властей, момент для перехода от сдержанности к демонстрации лидерских амбиций. А то, что такой момент не за горами, сейчас уже вполне очевидно.

Примечания

¹ The Boston Globe. 2009. November, 14.

² China Daily. 2010. February, 1.

³ The Washington Post. 2010. January, 17.

⁴ *Economy E., Segal A.* The G-2 Mirage // Foreign Affairs. 2009. May/June.

⁵ The New York Times. 2009. November, 15.

⁶ China Daily. 2010. February, 9.